Дорога наступления

Всеволод Иванов

SHOUT
SHARE
IT

- Всеволод Иванов
  - Всеволод Иванов

Всеволод Иванов
Дорога наступления

Всеволод Иванов
Дорога наступления

В трёх-четырёх километрах от линии огня попался нам участок дороги, сильно повреждённый взрывами снарядов. Мы объехали его, проковыляв по выбоинам, и, наверное, моментально бы забыли о них, кабы не одно обстоятельство. Как раз напротив выбоин, венчая собою окраину городка, находится большой кирпичный сарай с раскидистой черепичной крышей. Наполовину застеклённые двери сарая сняты воздушной волной, и во всю глубину его вы видите огромную погребальную колымагу, крытую могильно-чёрным лаком, балдахин колымаги украшен серебряным, развесисто печальным позументом, а сиденье кучера — широкое, как диван.

Высокий сосновый лес возле городка изломан, иссечён, не осталось ни одной целой ветви. Немцы собирались сильно укрепить лес и дороги к нему, но наш огонь подошёл к ним так стремительно и могуче, что в канавах возле дороги осталось всё приготовленное для обороны, валяются мины, и, словно след бегущего, впились в обочину дороги на равномерном расстоянии огромные круги колючей проволоки. Дома от залпов артиллерии расползлись в стороны, стали какие-то косматые, и только сарай с огромной чёрной колымагой остался цел, как бы в поучение потомкам. Заматерелая в самолюбии и надменности Германия любила пышные похороны. Она их получила.

Широкозадый, тупой фашистский возница везет её сейчас к гибели.

Я только что видел Штеттин. Видел я этот город с наблюдательного пункта одной из батарей, неподалеку от берега Одера. Глядел я в стереотрубу.

Стереотруба медленно вела меня вдоль набережных, погружённых в мёртвое гробовое молчание, проходила мимо пристаней, среди кранов, холмов каменного угля, поднималась выше, выходила на безмолвные улицы, остановилась возле колонны какого-то высокого, богато украшенного здания, по-видимому, театра, упёрлась в собор святого Иакова, прошла мимо ратуши и увидела дымящийся завод, едва ли не единственный работающий из всех некогда многочисленных заводов Штеттина. В немой, угрюмой, затаённой злобе лежал перед нами Штеттин. Он дремал в предсмертном сне; изредка где-то за городом поднимался белый ствол дыма — это немцы били по нашему, восточному берегу Одера.

В стороне от дороги на Альтдамм и Штеттин есть узкое и продолговатое озеро. Небо в нависших тучах, ветер строгий, тугой, и оттого колючая проволока вокруг завода и вокруг рабочих бараков, её клинообразные колючки кажутся особенно густо разросшимися. Низкие ворота. Часовой, проверив наши документы, пропускает. Мы на территории секретного немецкого завода, вырабатывавшего морские торпеды, построенного недавно, едва ли не в 1943 году.

Длинные, приземистые корпуса разделены бетонными дорожками шириной в добрый переулок. Всё свободное пространство засажено молодыми соснами с целью маскировки. С той же целью заводские корпуса окрашены в густо-зелёный цвет. Электростанция за двойной стеной из кирпича. В машинном отделении электростанции есть люки, туда вложены плиты взрывчатки и подведены провода.

Нынешнее зимне-весеннее наступление, широкое и победоносное, с новой, необыкновенной силой показало всю мощность нашей тактики маневрирования. Мы наносим врагу удар в желаемом нами направлении и желаемой нами силы. Мы делаем то, что выгодно нам и невыгодно фашистам. Взять хотя бы этот торпедный завод. Куда как надо было немцам уничтожить эти цехи, машины, гидравлические прессы, чертежи — и всё было приготовлено для уничтожения, а уничтожить удалось немногое. Потопили испытательные катера, потопили в озере кое-какое оборудование, из трёх машин электростанции увезли одну, а многое, очень многое осталось, — и, как всегда после немцев, остались следы преступлений, скрыть их, уничтожить их невозможно.

В одном из домов для администрации мы наткнулись на труп немца. Это был лысый немолодой немец в форменной куртке и брюках навыпуск. Он лежал на полу, ухватившись застывшей рукой за ножку кровати. Следов ранений нет. Он, по-видимому, умер от разрыва сердца.

Немолодой лысый немец имел все основания испытывать страх: возмездие настигало и настигло его. Завод выстроен рабами, и работали на нём рабы. В некоторых цехах «объявления» на двух языках: немецком и русском, а в некоторых добавлен ещё и польский. В конторе завода мы нашли сотни так называемых «рабочих удостоверений». Разумеется, вы уже читали о них. Вот что рассказывает одно из них. Фотография печальной девушки в клетчатом заношенном платье, с короткими косичками, отпечаток правого пальца, отпечаток левого пальца, над фотографией и этими отпечатками надпись по-русски: «Владельцу сего разрешается выход из помещения единственно

ради работы». На обороте вопросы и ответы на них, напечатанные на машинке. Ни подписи раба, ни следа почерка его — вообще писать запрещалось. Мы не нашли ни одного слова, написанного рукой человеческой, хотя осмотрели тщательно стены, потолки, подвалы. Кто же она, одна из тех рабынь? Софья Савко, 1924 года рождения, из Украины — и всё.

А в середину удостоверения вложен листок. На нём на тринадцати языках напечатана одна фраза: «Настоящая рабочая карточка даёт право на работу только у поименованного работодателя и теряет силу с оставлением этого места работы».

Негодяи! Право на работу! Право на смерть, а не право на работу: куда она могла уйти, эта несчастная Софья Савко?! Как она могла оставить своё рабское место? Прорвавшись через колючую проволоку? Через охрану, вооружённую, да ещё и с собаками?

И с щемящей, невыносимой тоской глядишь на фотографии, во множестве заготовленные для подобных удостоверений, но почему-то не использованные; может быть, потому, что помешала Красная Армия. Фашисты так были уверены, что никто, кроме них, не увидит эти фотографии, что не глядели на выражение лиц, а, возможно, отчаяние наших сестёр и матерей доставляло немцам удовольствие.

Как бы то ни было, каждая фотография, каждое выражение лица — вопль горя. Горе, сухое и едкое, в глазах. Горе застыло на губах. Горе, как огнистый поток, льётся из глаз.

На обороте фотографии фамилия и название родины. Других данных нет. Номер раба, как видно по фотографии, прикалывается возле левого плеча на груди. Кое у кого, кроме номера, на правой стороне груди слово «Ост». Вот фотография Елены Моздейко. Плачущая женщина лет тридцати, со сдвинутыми скорбно бровями, с коротко остриженными волосами, в клетчатом мужском пиджаке, видимо, с чужого плеча. Её номер — 2401. Перебираю другие фотографии. Мария Переменек, Вера Голова, Александра Фоменюк, Мария Узденкова. Старые, молодые, но одинаково измождённые, изнурённые лица. Где они, эти несчастные люди? Убиты? Утоплены в водах этого мрачного озера под этим жутким ветром, под этим неизвестно откуда, налетающим, сладковато-гнилым запахом разложения? Где их следы? Где их проклятия?

Их слёзы, их проклятия идут вместе с нами по прочной, несущей мщение дороге Красной Армии.

Накануне взятия Альтдамма, разыскивая одну дивизию, я случайно попал в расположение артиллерийского полка. Разговорились. Недавно окончилась перестрелка, и артиллеристы

отдыхали, чистили орудия, ели. Они пригласили нас на ближайшую батарею.

Батарея расположилась среди ёлок. Артиллеристы плохо спали ночь, но вид у них был не усталый. Ими ещё владело возбуждение боя. А бой шёл направо от нас, словно кто гигантской гребёнкой водил по лесу, — это стреляли гвардейские миномёты. Там, дальше, за лесом, видны клубы медленно ползущего вверх дыма. Он сизой бахромой повисает в небе. Пылающий город рассыпается. Артиллеристы под Альтдаммом играли почётную роль. При прорыве из Альтдамма насыщенность артиллерией была такова, что, как выразился один артиллерист, «закуривай от любой пушки».

Возле ёлочки в ватной, замасленной куртке, с заплаткой на брюках, видимо сделанной своими руками, стоит девятнадцатилетний юноша, донбассовец Потапов. До войны он работал трактористом, а сейчас наводчик орудия. Недавно, в боях за Шнайдемюль, когда немцы не давали нам подойти к городу и зацепиться за окраину и когда был ранен командир орудия, Потапов принял командование орудием, одновременно работая наводчиком. Немцы с шестисот метров били по нему из минометов. Потапов прямой наводкой завалил дом тремя снарядами, подавив таким образом миномёты. Немцы побежали. Наша пехота теперь могла зацепиться за окраину и начать уличные бои.

Я смотрю на его молодое, ещё юношески пухлое лицо и спрашиваю:

— Однако опасность вы должны были чувствовать?

Он некоторое время молчит. По глазам его я вижу, что вряд ли придавал он какое-нибудь значение опасности. Однако ему хочется быть любезным, и он смущённо, угловато улыбаясь превосходной молодой улыбкой, отвечает:

— Опасность, конечно, чувствовал, но подавлял. Пехоту надо было поддержать.

Некоторое время он молчит а затем спрашивает:

— Извините, вы ведь через границу Германии проезжали?

— Как же.

Он опять молчит, затем добавляет, — и я должен понять, что таковы были его мысли, когда он переходил границу Германии, и что именно из этих мыслей вышел его смелый поступок в Шнайдемюле:

— Два брата погибли. Младший — артиллерист, старший — помкомвзвода в пехоте, погиб на польской территории,

И он говорит, глядя мне в глаза своим хорошим, чистым взглядом:

— Раньше я мстил за других, а тут за братьев захотел отомстить.

В том же полку есть красноармеец Жарков. Это орловский крестьянин, пожилой, с сединой в висках, с крепкими, торчащими вперёд усами. Движения его быстры, он словоохотлив. Встретили мы его, когда он нёс куда-то котелок с пищей. Майор Рогачевский остановил красноармейца и спросил:

— Жарков, фотография при тебе?

Жарков полез в карман и достал из много раз свёрнутой газеты, видимо, тщательно хранившуюся фотографию в размер открытки. Молодой ефрейтор, немец, лётчик, в чёрном мундире глядел с неё. И красноармеец Жарков рассказал нам небольшую историю. Жарков жил в Орловщине — в селе Поветкино Володарского района.

— Жил я хорошо. Ну и попади я в оккупацию. Остановился у меня в доме немец-лётчик. Стоял две недели.

Жарков смотрит со злобой на фотографию и вздыхает. Ефрейтор на фотографии с тусклым сонным лицом, с большими, как дверь, плечами. Жарков говорит:

— Тут их наши нагнали. Ну, они и сожгли всё село, и мою хату тоже пожгли, и ушли. — Он стучит ногтем в лоб ефрейтора и продолжает: — И этот ушёл. Он мою хату поджигал. Ушёл, да вот пришлось встретиться.

— Где же вы встретились?

— А есть такой город Делица, южней, как его, этого Штаргарда. Дак там они, немцы, посёлок для особо почётных инвалидов выстроили. Ну, и мой, этот поджигатель, там поселился. Битый враг: протезу я его ножную там нашёл.

— А его самого?

— А сам-то убёг, а фотографии все на стенах. Нас разместили там на постой. Я гляжу и говорю: ребята, ох, вот этот мой. Он, вглядываюсь, он. Могу ли я ошибиться, когда он мою хату жёг?

— Вряд ли ошибётесь.

— Для чего фотографию носишь?

— Ношу. Как пленных ведут, я к ним. Нет ли ефрейтора тут? Мне б его увидеть…

Таково мнение красноармейца Жаркова, записанное почти слово в слово. Торжествующая свинья — немецкий ефрейтор, жёгший дома в России, — бежит теперь из своего дома, что, в городе Делице, возле Штаргарда. Красноармеец Жарков хранит в кармане фотографию преступника, твёрдой ногой по прочной дороге идёт за ним следом.

Хмуро и мрачно чувствует себя Германия. Отчаянно, напрягая всю злобу и коварство, защищается она. Кичливость её исчезла,

надменность ушла, остался одни жестокий, упорный, надсадный вой зверя, вой зверя подыхающего…

В Штаргарде я получил подарок, место которому, пожалуй, в будущем музее Великой Отечественной войны. Это палка путешествий немецкого офицера. Трудно описать эту пошлую, тупую и самодовольную выдумку, но я попробую, ибо об этом стоит сказать. Представьте себе дубину, в полтора метра длиной и в три пальца толщиной. Дубина вырезана из ольхи. Набалдашник — чёрная оскаленная морда зверя с красной пастью. Под нею на белом поле чёрный немецкий крест, с противоположной стороны? голубой щит, перечисляющий страны, где пьянствовал, насильничал или убивал этот мерзавец: Польша, Бельгия, Франция, Голландия, Италия, Литва, Латвия, Эстония, Россия. Ну, разумеется, оставлено пустое место, чтоб вписать ещё какие-нибудь страны. Затем вниз, спиралью, врезанной в ольховую кору, спускается голубая полоска, отороченная жёлтой краской. По голубому белым вписаны города, которые посетил этот тупица. Всего девяносто четыре города. Я не буду их перечислять, а назову только последние пять городов, бывшие конечными пунктами не только владельца этой палки, но и многих других фашистских разбойников. Вот эти города. Гатчина, Красное Село, Пушкин, Тосно, Сиверский. На Сиверском запись обрывается, и палка в качестве предмета воспоминаний едет в Штаргард.

Здесь нашел её советский боец.

1945 г.